

PROJECT MUSE®

*Russisch Grün: Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland
des langen 18. Jahrhunderts* by Anna Ananieva (review)

Андрей Лазарев

Ab Imperio, 3/2015, pp. 352-357 (Review)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0071>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/603689>

Андрей ЛАЗАРЕВ

Anna Ananieva. Russisch Grün: Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langen 18. Jahrhunderts. Bielefeld: Transcript, 2010. 442 S., kart. Orts- und Personenregister. ISBN: 978-3-8376-1479-4.

Следует сразу признать, что “Русская зелень” Анны Ананьевой – книга сложная, но это ее безусловный плюс. Правда, читателю, желающему просто ознакомиться с базовой, хорошо проработанной историей российских садов XVIII века, предстоят тяжелые испытания. Возможно, все дело в том, что такую историю пока еще нельзя написать: теоретическое осмысление фактов еще только нащупывается, разворачивается буквально на наших глазах.

Структура книги немного озадачивает, а уровень теоретических проблем, только затронутых автором, ошеломляет. Чтобы в них вникнуть, порой приходится откладывать эту книгу и наводить справки в других работах. В этом смысле, возможно, хорошо то, что некоторые из этих проблем только затронуты. Вероятно, изначально задача детального “картографирования” проблемного поля и не ставилась: работу Ананьевой можно

уподобить, скорее, распутыванию следов. Сама она называет это семиотическим и дискурсивным анализом.

Автора со всеми основаниями можно отнести к специалистам по истории российских садов. На счету Анны Ананьевой больше 30 статей, немало докладов на конференциях и круглых столах, причем некоторые из них были организованы при ее участии. Подавляющее число статей опубликовано на немецком языке, но, к счастью, на русском опубликована одна, помогающая разобраться с библиографической ситуацией и теоретическим многоцветьем как в садово-исторической, так и в смежных областях.¹

Хронологические рамки монографии тоже непростые, что, впрочем, оправданно: речь идет о “долгом восемнадцатом веке” (1690–1815) – термин вводится по аналогии с “долгим девятнадцатым”, 1789–1914 гг. Данное определение, по словам А. Ананьевой (С. 19-20), выступает как “мысленный образ”, охватывающий многочисленные “начала модерна” и позволяющий уйти от других, однобоких определений, таких как “эпоха Просвещения”, “барокко” или “классицизм”. В российской истории в целом этот

¹ А. Ананьева, А. Веселова. Сады и тексты // Новое литературное обозрение. 2005. №75. С. 348-375.

период начинается с царствования Петра I и кончается наполеоновскими войнами, а в истории садов он начинается с текстов “Вертограда многоцветного” Симеона Полоцкого и заканчивается “Воспоминаниями о Царском селе” Пушкина. В общеевропейском контексте образ садов в это время развивался на фоне “революции в прекрасном” и соперничества между “французским” геометрическим садом и “английским”, мыслившимся как “приукрашенная свободная природа”.

В “Русской зелени” речь идет не только о садах как о площадках земли, засаженных красивыми и вкусными растениями, но также о садах в текстах, о садах, как экспериментальных полигонах, репрезентациях, символах и практиках и многом другом. Все это вместе автор называет “культур-поэтикой сада”. Основной вывод книги, сокращая и упрощая, можно представить так: за долгий восемнадцатый век российские сады прошли эволюцию от “вертоградов многоцветных”, садов разнообразия, имеющих как символическое, так и практическое значение, до ландшафтных парков и усадеб, имеющих значение мест культурной памяти и в таком качестве влияющих на национальную идентичность. Данная эволюция (“культурная динамика”) прослеживается на примере

нескольких самых важных садов. Автор показывает сложность этой эволюции, состоящей из обменов смыслами между текстами и пространством, перекодировки и присвоения новых функций, а также ее “интермедальность” и “интеркультурность” (как несколько раз особо подчеркивается в книге). Под интермедальностью понимается отслеживание динамики различных областей культуры или отражений этой динамики в искусстве, литературе, истории. Упор на интеркультурность означает внимание к сложным взаимоотношениям между культурными зонами (или “формациями”), преимущественно между российской и немецкой.

Автор опирается на несколько основных методологических традиций. Во-первых, это семиотические теории культуры. Основной для нее является концепция “сад как текст” Д. С. Лихачева и модель семиосферы Ю. М. Лотмана, обладающей “ядром”, “периферией” и границей между ними, на которой происходит обмен информацией и образование новых смыслов. Основные элементы этой теории (доминирующий и периферийный дискурс, самоописание “ядра”, нормы и их нарушения) не просто упомянуты, а встроены в систему аргументации А. Ананьевой. Стоит сказать, что в ее представлении две другие теоретические

области, культурный обмен и память, практически неотделимы от семиотики.

Во-вторых, А. Ананьева пользуется теорией культурных трансферов – которая также известна как *histoire croisée* (т.е. “перекрестная история”) и “транснациональная история” (в версии Мишеля Эспана и Микаэля Вернера).² Автор также черпает из многих источников, осмысливающих проблему смешения, гибридности, полифонии культуры, от М. Бахтина до Питера Берка,³ но связь с “культурными трансферами” – наиболее тесная. Сама книга А. Ананьевой уже упоминается как пример использования этой теории на российском материале.⁴

В-третьих, книга обращается к теории культурной памяти и вообще коллективной памяти, задействуя концепции Алеиды и Яна Ассманов,⁵ Пьера Нора и даже Мориса Хальбвакса. Автор показывает, как переход сада от архитектурности к ландшафтности повлиял на механизм культурной памяти, перенося акцент от правил

мнемотехники к ассоциациям и переживаниям. От культурной памяти автор переходит к теме конструирования нации (отталкиваясь от идей Герта Гронинга⁶): “Идея ландшафта, в котором природа, история и субъект соединяются в создающем национальную идентичность основании, до сего дня относится к арсеналу культурно-политического дискурса” (С. 14).

Наконец, не столь центральной, но все равно очень важной для книги является концепция “гетеротопии”, предложенная М. Фуко.⁷ Собственно, в представлении А. Ананьевой, сад и есть гетеротопия.

Три четверти “Русской зелени”, со второй по шестую части, посвящены хронологически выстроенной расшифровке культурной динамики, на множестве конкретных примерах садов и текстов. Пересказать все невозможно, тем более что в промежуточные выводы эти примеры автором не вынесены. Чтобы показать широту охвата книги, проще перечислить, о чем рассказывается в

² Michel Espagne, Michael Werner. Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand. Paris, 1988.

³ Peter Burke. Cultural Hybridity. Cambridge, UK, 2009.

⁴ Е. Дмитриева. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302-313.

⁵ Я. Ассман. Культурная память. Москва, 2004.

⁶ Gert Gröning, Uwe Schneider (Hg.). Gartenkultur und nationale Identität: Strategien nationaler und regionaler Identitätsstiftung in der deutschen Gartenkultur. Worms, 2001.

⁷ В “Словах и вещах” (1966) и в лекции “Espaces autres” (1967).

одной главе (“Московский садовый ландшафт вокруг 1700 года”) второй части книги (“Орнамент и картина: садовое пространство между вычурным порядком и перспективной рационализацией”). Это тем более полезно, что книга написана по-немецки и не всем доступна. Следует оговорить, что все переводы терминов и названий с немецкого языка на русский были сделаны без консультации с автором.

Глава начинается с утверждения, что российское садовое искусство вовсе не зародилось в результате петровских реформ, у него была предыстория. (Надо сказать, что уже Д. С. Лихачев посвятил допетровским садам 35 страниц своей “Поэзии садов”, поэтому этот тезис не является абсолютно новым в историографии). На основании чертежа (1673) и записок иностранцев, главным образом Якоба Рейнфельса (1680), автор реконструирует устройство садового комплекса в Измайлово, с 1663 г. развивавшегося как орнаментальный и геометрический. Далее, через “Вертоград многоцветный” (1680) Симеона Полоцкого, Ананьева переводит разговор в область “систем знания” или эпистем, акцентируя внимание на алфавитном порядке изложения в тексте и отмечая упорядоченность “Аптекарского” сада комплекса в Измайлово.

Затем внимание читателя переносится на берега Яузы. Сначала описывается правобережная Немецкая слобода и сады при домах иностранцев – через тексты польского посла Б. Таннера (1678) и барона А. Майерберга (1665). Данное место представлено как смешение доминантной русской и периферийной иностранной культуры, как “культурная гетеротопия на Яузе” (С. 115). Следующий предмет описания – сады Яузы. Теперь это принадлежавший канцлеру Федору Головину левобережный Головинский сад, разбитый Николаасом Бидлоо (анализируется по его чертежам 1705 г. и мемуарным запискам иностранцев). Бидлоо – врач, художник, архитектор и поэт, привезенный из Голландии послом Андреем Матвеевым. Головинский сад, также геометрический, представляет собой уже следующую стадию развития, иллюстрируя “перспективную рационализацию”. Формат перспективы будет потом широко использоваться в садах окрестностей Петербурга. Головинский сад вскоре переживает еще один этап истории: в 1721 г. его выкупает Петр I, и Бидлоо его перестраивает. В нем появляются гроты, мосты, беседки и перголы, а также аллегорические скульптуры, а с ними – новая семантика царской резиденции.

Наконец, обсуждается личный сад Бидлоо, разбитый им у своего дома на левом берегу, рядом с первым московским госпиталем, который устроил он же. От этого сада остались не только собственноручные описания и чертежи Бидлоо, но и рисунки в перспективе. В них заметна усиливающаяся симметрия: от бельведера над рекой проходит осевая аллея с двумя боскетами и цветочными клумбами. В этом саду ярко проявилась культурная семантика памяти, бывшая столь актуальной для иностранца, прожившего 20 лет в России, пережившего смерть жены и своего покровителя, императора Петра. Кроме того, текст описания сада насыщен библейскими аллегориями и отсылками к “Эклоге” Вергилия. Благодаря “мемориальности” и сильному биографическому элементу впервые в России литература и жизнь соединяются в пространстве сада.

Далее так же детально продолжается расшифровка культурной динамики до самого конца “долгого восемнадцатого века”. Приведем названия последующих частей книги. Третья: “Дивертисмент и улучшения: культуры медиа и памяти как следствия политических предпосылок в ландшафтном саду Царского Села”. Четвертая: “Образование и описание: практико-эстетические

и образовательные стратегии в применении к садам Александровой дачи”. Пятая: “Воображение и воспоминание: ландшафтный парк в Павловске в качестве экспериментального поля эстетического взаимодействия”. И, наконец, шестая: “Парк и поэзия: интермедиальное соответствие и вопрос адекватности литературного воспроизводства переживания сада”.

Книга написана по материалам диссертации, защищенной всего за год до того, в 2009 г., в немецком университете Гиссена. Судя по автореферату, доступному в Интернете, монография практически воспроизводит текст диссертации. Возможно, этим и объясняются структурные особенности “Русской зелени”, несколько затрудняющие ее восприятие.

Впрочем, их немного. Самый существенный недостаток с точки зрения читателя – отсутствие в книге какого-то заключения. Есть весьма подробное введение, с общим наброском поля исследования и планом частей. Затем начинается первая часть, которая несколько странно делится на две главы. Первая глава – казус с легендарным памятником Пушкину в Царскосельском парке, слившемся в коллективной памяти с действительно бывшей во времена первого поколения лицейстов табличкой-посвящением “Гению

места”. Этот миф бытовал вплоть до реального создания памятника поэту в 1900 г., табличка была восстановлена на 200-летие Пушкина, в 1999 г. Данный казус служит иллюстрацией продолжения “культурной динамики”. Выходя за заявленные хронологические рамки, в целом он больше смущает читателя, нежели готовит его к последующей хронологической истории. Вторая глава первой части – это обзор теорий. Все вместе вступительные разделы занимают внушительную часть книги, почти четверть ее объема (95 страниц).

Второе замечание: то, что необходимо для диссертации, не всегда хорошо в монографии, в частности, избыточное количество ссылок. Во вступительной четверти книги они порой покрывают страницу целиком, оставляя для основного текста две-три строки. Увы, даже при этом в библиографии наблюдаются кое-какие упущения. Книги и статьи, на которые ссылается автор, естественно, по большей части немецкие. Русские авторы тоже достойно представлены (некоторые позабыты в книге, но зато разбираются в упоминавшейся уже статье “Сады и тексты”). Немного странно, почему по теме

“английские парки” автор обращается исключительно к немецким книгам, а один из пионеров темы “конструирования природы” на английском материале, Кит Томас,⁸ не упоминается вовсе.

Впрочем, во всех других отношениях это не просто хорошая книга, но захватывающе интересная.

⁸ Keith Thomas. *Man and the Natural World. Changing Attitudes in England 1500–1800.* London, 1983.